

Г.Г. Косач

Оренбургская область: региональный аспект постсоветского развития российского мусульманского сообщества

От редакции: Статья профессора Г.Г. Косача является убедительным примером микросоциологического анализа. Автор на широком фактическом материале показывает, как исторически сложившаяся архитектура мусульманской уммы Оренбургской области и конкретные судьбы отдельных активных граждан могут привести к формированию регионального конфликта, получившего широкий общественный и политический резонанс.

Первые годы постсоветской эпохи предоставили мусульманскому сообществу России ранее казавшиеся совершенно нереальными возможности: она избавила его от гнетущей опеки государства и открыла ему его зарубежных братьев по вере. Собственно, в то время осуществление обеих этих возможностей стало (хотя и в разной степени) причиной появления внутри российской уммы новых групп элиты, представленной инициативными и предприимчивыми людьми, своими действиями способствовавшими распаду того внутрироссийского мусульманского пространства, единство которого в советское время представлялось незыблемым.

Но российская умма всего лишь на свой лад повторяла ту же ассоциируемую с провозглашенным в стране курсом на «построение демократии» эволюцию, которым в 1990-е гг. следовало Российское государство. Иной вариант развития был для нее невозможен, — эта умма — составной элемент России и, вне зависимости от степени ее нынешней открытости единоверцам за пределами страны, всеобъемлюще вписана в ее жизнь. В свою же очередь, и появление новых групп мусульманской элиты, и сама их деятельность (представлявшаяся как едва ли не производное от внешнего влияния) определялись более значимыми причинами, которые в конечном итоге вытекали из извивов становления российской государственности и деятельности формировавшегося российского «политического класса». Наконец, и время, в течение которого мог развиваться процесс становления новых групп му-

сульманской элиты и их начинания, имело свои пределы — длительность ситуации российского «междущарствия», или, говоря иначе, эпохи формирования нового политического истеблишмента России.

Бугурусланский муфтият, бывший одним из двух действовавших на территории Оренбургской области мусульманских духовных управлений, важен в этом контексте прежде всего потому, что история его создания и опыт функционирования, проблемы, с которыми, с одной стороны, он сталкивался и которые — с другой, он сам порождал, не более чем один из показателей постсоветской эволюции российского мусульманского сообщества. Одновременно это и пример региональной специфики его жизни.

1. МЕСТО И ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

Созданная в 1934 г. Оренбургская область — самая южная российская административная единица Урала (или самая восточная в Поволжском федеральном округе), граничащая с Татарстаном, Самарской и Саратовской областями, Башкортостаном, Челябинской областью и Республикой Казахстан. Конфигурация областной территории позволяет выделить в ее составе зону западных районов (расположенных вдоль границы с Татарстаном, Самарской и Саратовской областями); зону центральных (окружающих Оренбург и простирающихся до Башкортостана на севере и Казахстана на юге) и зону восточных районов (находящихся между Башкортостаном на северо-востоке, Челябинской областью на востоке и Казахстаном на юго-востоке). В сельской местности сосредоточено 34,7 % более чем двухмиллионного населения области. Ее самые крупные города — Оренбург, где к, по оценкам, на 2007 г. проживало почти 600 тыс. человек; Орск (около 300 тыс. чел.) и Новотроицк (около 114 тыс. чел.) — на юго-востоке; Бузулук (почти 90 тыс. чел.) и Бугуруслан (чуть более 50 тыс. чел.) — на северо-западе.

По итогам переписи 2002 г. (но это относится и к данному прошлому), в составе населения области доминируют русские — 73,9 %, или 1 млн 611 тыс. человек [см.: *Национальный состав населения Оренбургской области...*]. Украинское присутствие (4,7 %) превращало это доминирование в неоспоримое преобладание славян. Оно определяло и конфессиональный характер области — христианский и главным образом православный. Однако ее демографический пейзаж не выглядит однотонным: область, по словам оренбургского автора, «многоэтнична и поликонфессиональна» [Рагузин, 1999, с. 89].

Правота этой мысли, казалось бы, может быть подтверждена значительными вкраплениями в русское население православных славян (украинцев и небольшого числа белорусов), как и православных же угро-финнов (мордвы — 3,2 %) и тюрков (чувашей — 1 %), а также (до начала 1990-х гг. действительно значительных групп) принадлежащих

к различным протестантским церквям немцев (2,2 %), как и тем, что в пределах этого пространства присутствуют и тюркско-мусульманские этнические сообщества. Однако на фоне русского/славянского и православного/христианского преобладания тюркско-мусульманские меньшинства кажутся незначительными — 7,6 % татар (почти 166 тыс. человек [см.: *Национальный состав населения Оренбургской области...*]), 5,1 % (около 130 тыс. чел. [Амелин, 1998]) казахов и 2,4 % (53 тыс. чел. [Оренбуржцы празднуют..., 2007]) башкир [здесь и далее см.: *Национальный состав населения Оренбургской области...*]¹.

Эта общеобластная статистика верна, но и обманчива. Конечно, даже более пристальный взгляд на оренбургскую демографическую ситуацию с точки зрения ее этнического аспекта ни в коей мере не опровергнет сделанный выше вывод о национальной и конфессиональной монотонности областного пространства. Но тот же взгляд позволит тем не менее увидеть в этом пространстве немало любопытных и существенных деталей.

Численно в составе населения области татары занимают «второе место после русских» [Рекомендации..., 1996]. Они рассеяны почти по всей ее территории, составляя порой важную долю в составе населения внутриобластных административных формирований. Относительно многочисленное татарское население сосредоточено в примыкающих друг к другу районах, вытянутых вдоль оси, идущей от границы с Татарстаном в сторону Оренбурга. Это прежде всего районы западной зоны — Асекеевский — 45,3 % (35,8 % русских); Матвеевский — 29,6 % (48,8 % русских), Абдулинский — 29,2 %, где татары, однако, незначительно преобладают над православными русскими (28,2 %) и мордвой (24,2 %), и Северный — 18 % (44,2 % русских и 35,5 % мордвы) [Амелин, 1996, с. 69]. В районах же центральной зоны численность татар последовательно снижается, хотя они и остаются второй этнической группой, непосредственно следующей за русскими (17,5 % в Шарлыкском, 15,9 % в Саракташском и 13,4 % в Переволоцком районах). Наконец, их доля существенно падает в восточных районах (где только в Кувандыкском районе присутствие татар — 12,3 % — выглядит как заметное).

Казахи в количественном отношении следуют за татарами, являясь третьей по численности этнической группой области. Однако ее казахское население едва ли не полностью сосредоточено в юго-восточных, южных и юго-западных районах, прилегающих к оренбургскому отрезку российско-казахстанской государственной границы, как и к линии административного разграничения между Оренбургской и Саратовской областями. Казахи относительно значительны (численно следуя за русскими) только в одном районе западной зоны — Перво-

1 | По данным министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области, численность мусульманского населения области составляет «более 300 тыс.» [Подписание Протокола..., 7.07.2006].

майском — 22,3 % (64,4 % русских), граничащим с Казахстаном и с Саратовской областью; в четырех районах центральной зоны — Акбулакском — 24 % (42 % русских и 20 % украинцев), Беляевском — 24,3 % (44,7 % русских, 10,3 % немцев и 8,8 % украинцев), Соль-Илецком — 36,9 % (52,8 % русских и 7,9 % немцев) и Оренбургском — 12,4 % (72 % русских).

Доля казахов вместе с тем достигает существенной величины в демографической структуре двух районов восточной зоны, порой преобладая над совокупной численностью русских и украинцев (или приближаясь к ней) — в Ясенском (52,5 % казахов, 25,5 % русских и 9,4 % украинцев) и Домбаровском (45,5 % казахов, 35,2 % русских и 11,2 % украинцев). Казахское население значительно (составляя после русских вторую по численности этническую группу) и в четырех других районах этой же зоны — Адамовском — 34,2 % (45,9 % русских и 11,4 % украинцев), Новоорском — 19,2 % (65,9 % русских), Светлинском — 14,1 % (64,7 % русских) и Кваркенском — 13,1 % (69,2 % русских).

В численном отношении башкиры в демографической структуре Оренбургской области следуют за казахами. Как и в казахском случае, башкирское присутствие ощутимо в тех районах, которые граничат с Башкортостаном. Исключение составляет лишь один из районов западной зоны — Красногвардейский, где доля башкирского населения, несмотря на сравнительную отдаленность этого района от линии территориального разграничения между Оренбургской областью и Башкортостаном, достигает 19,2 % (уступая тем не менее русским — 40,8 % и немцам — 26,5 %). Только в одном районе центральной зоны — Тюльганском, с трех сторон окруженном территорией Башкортостана, башкиры составляют вторую по численности (после русских — 68,7 %) группу населения — 12,2 %. Наконец, вновь, как и в казахском случае, численность башкир повышается во входящих в восточную зону административных единицах областного подчинения, расположенных к западу и северу от реки Урал, достигая 21,1 % (50,2 % русских и 7,1 % татар) в Гайском и 24,6 % (48,8 % русских) в Кувандыжском районах и составляя там вторую по значению (после русских) этническую группу.

В своем подавляющем большинстве представители тюрко-мусульманских этнических сообществ нынешней Оренбургской области остаются сельскими жителями. Это лишь предполагает, что они были в малой мере затронуты модернизационными процессами имперского и советского времени.

Казалось бы, татары — неотъемлемый элемент населения городов Оренбургской области. Но соотношение татарского и русского/славянского населения в городах повторяет сельскую ситуацию их зонального распределения. Доля татар относительно значительна в Бугуруслане — 9,3 % (72 % русских) и Абдулине 9,2 % (68,3 % русских),

снижаясь до 7,1 % в Оренбурге (где доля русских достигает почти 83 %) и составляя 4 % в Орске (78,4 % русских и 6,3 % украинцев), 3,3 % в Новотроицке (81,6 % русских и 5,7 % украинцев) и 2,1 % в Бузулуке (90 % русских). Относительно высокое представительство татар в городском населении нынешней Оренбургской области — реликт дореволюционной эпохи, когда татарское купечество и предпринимательство играло заметную роль на Урале и в Поволжье. Однако если уровень присутствия татар в городах и выглядит как относительно высокий, то только лишь в сравнении с казахами и башкирами.

Доля казахов в тех же городах составляет соответственно в Оренбурге — 1,3 %, в Орске — 3 %, в Новотроицке — 2,1 %, 0,5 % в Бугуруслане и 0,2 % в Бузулуке. Показатели же для башкир достигают максимальной отметки только в Новотроицке (2,1 %), снижаясь в Орске (1,7 %) и падая до минимальной отметки в Бугуруслане (0,1 %). Все три тюрко-мусульманские этнические группы не только не многочисленны, но и проживают главным образом в сельской местности. В населении же городов, где господствуют русские/славяне, они представлены явно недостаточно.

Представители тюрко-мусульманских групп области медленно и непоследовательно включались в процессы хозяйственного освоения зоны восточных (но также и западных) районов области, где в советскую эпоху возникали динамично развивавшиеся очаги экономического роста и создавались новые центры урбанизации. На востоке области к ним относятся, в частности, города Новотроицк (часть ориентированной на Орск индустриальной агломерации), Медногорск² (в пределах Кувандыкского района — узкого коридора, разделяющего Башкортостан и Казахстан), Гай³ и Ясный⁴ (центры созданных в 1979 г. административных единиц областного подчинения). Если Медногорск и Гай расположены к северу от реки Урал — в зоне исторического обитания башкир, то Новотроицк и Ясный — в зоне исторического обитания казахов.

Сравнительно высокая доля башкир в Кувандыкском районе (24,6 %) ни в коей мере не означает, что присутствие выходцев из этой этнической группы столь же высоко в составе населения Медногорска. Напротив, в основном промышленном центре этого внутриобластного административного образования соотношение ведущих этнических групп принципиально иное, чем в масштабе района, — 79,8 % русских,

2 | Рабочий поселок Медногорск был основан в 1929 г. в связи с открытием Блявинского медно-колчеданного месторождения и строительством медно-серного комбината. В апреле 1939 г. был преобразован в город.

3 | Гай был основан в 1959 г. как поселок строителей горно-обогатительного комбината при открытом в этом месте месторождении медно-колчеданных руд. Статус города был им получен в 1979 г. Город был назван в честь Гая Дмитриевича Гая (Гайка Бжишкяна) — советского военачальника (1887–1937 гг.) времен Гражданской войны, воевавшего в 1918 г. и против вооруженных формирований атамана Оренбургского казачьего войска полковника А.И. Дутова.

4 | Ясный был основан в 1961 г. в связи с открытием Кiemбаевского месторождения асбеста и строительством горно-обогатительного комбината «Оренбургасбест». С 1979 г. — город областного подчинения.

4,7 % башкир и 3,9 % татар. Ситуация в Гае и Гайском районе, по сути дела, аналогична. Если в составе населения всего района 50,2 % русских и 21,1 % башкир, то в районном центре — 77,6 % русских, 4,1 % татар и только 4,7 % башкир.

Новотроицк — город областного подчинения на территории Новоорского района, где расположено крупнейшее индустриальное предприятие регионального масштаба — Орско-Халиловский металлургический комбинат, а также несколько крупных химических заводов. Казалось бы, соседство огромной индустриальной агломерации должно было нанести решительный удар по традиционному сельскому образу жизни казахского населения, Однако национальная структура города свидетельствует об обратном — 81,6 % русских, 6,3 % украинцев и 1,7 % казахов. Представительство тех же национальных групп в составе населения города Ясного, где действует горно-обогатительный комбинат (ныне открытое акционерное общество) «Оренбургасбест», еще более красноречиво. В то время как на территории Ясненского района казахи количественно господствующая этническая группа, а русские и украинцы — меньшинство, то ситуация в самом городе принципиально иная — 67,2 % русских, 10,5 % украинцев и только 6,7 % казахов.

Это же положение повторяется и в случае татар запада области. Бугуруслан — центр оренбургской нефтедобычи, где уже в 1937 г. этот процесс был поставлен на промышленную основу. В дальнейшем же, с 1963 г. на территории области (прежде всего в районах западной и центральной зоны с их относительно значительным татарским населением) стало действовать производственное объединение «Оренбургнефть»⁵. Но это обстоятельство лишь в малой степени изменило статус татар, населяющих западные районы области, — в своем подавляющем большинстве они остались сельскими жителями.

Конфигурация современной Оренбургской области, считающей себя преемницей одного из территориально значительных административных образований имперского и раннего советского времени — одноименной губернии, не скрывает, а скорее подчеркивает существующие в ее пределах линии региональных разломов.

Ее территория итог осуществлявшихся после советизации Южного Урала и Поволжья административных преобразований, цель которых определялась, в частности, созданием первых российских национальных автономий — башкирской и казахской [здесь и далее см. об этом: Косач, 2002, с. 100–135]. Этот процесс лишил губернию значительных участков ее территории⁶, вошедших в 1919 г. в состав «Малой

5 | Объединение «Оренбургнефть» с 2000 г. — в составе Тюменской нефтяной компании, а с 2003 г. — Тюменской нефтяной компании — British Petroleum [см. об этом: *Оренбургнефть — Открытое акционерное общество.*, 2007].

6 | В состав «Малой Башкирии» вошли 17 волостей Оренбургского уезда и 28 волостей Орского уезда Оренбургской губернии.

Башкирии»⁷, юго-западная граница которой первоначально проходила в непосредственной близости от губернского центра, или ставших самостоятельными административными образованиями (нынешняя Челябинская область), создав условия для последующего включения (в 1920) остатков губернского административного пространства (потерявших значительную часть своей территории Оренбургского и Орского уездов) в состав казахской автономии⁸. Выделение же губернии из ее состава (1924) вновь восстановило ее самостоятельное существование. Тем не менее это положение продолжалось недолго — с 1928 и по 1934 г. остатки территории бывшей губернии были включены в состав Средне-Волжского края с центром в Самаре/Куйбышеве.

Процесс этих преобразований формировал современную Оренбургскую область, становившуюся в территориальном отношении во многом далекой от своего исторического предшественника. Но, более того, эти преобразования едва ли не в первую очередь содействовали становлению ее нынешнего этнического состава. Возникновение «Малой Башкирии», как и отсечение от губернии Челябинского и Троицкого уездов (нынешней Челябинской области), первоначально существенно снижало долю башкирского (как и татарского) населения в демографической структуре двух оставшихся в составе Оренбургской губернии уездов — эта губерния становилась более русской, а в конфессиональном отношении и более православной (в 1925 г. в ней проживало почти 80 % русских, 6 % татар, 3,3 % казахов и 0,05 % башкир [*Статистический справочник...*, 1925, с. 6–8; а также: Косач, 1998, с. 67]).

Выделение же Оренбургской губернии из состава казахской автономии вновь меняло, казалось бы, уже устоявшуюся ситуацию, — настаивая на размежевании, оренбургские руководители требовали создать самостоятельное административное образование, но «в новых границах с присоединением к губернии тяготеющих к Оренбургу и Оренбург-Орской железной дороге поселений... Актюбинской, Кустанайской губерний и Троицкого округа Уральской области» [Доклады и материалы...]. Включение в губернию расположенных вдоль построенной накануне Первой мировой войны железнодорожной ветки Оренбург–Орск некоторых территорий Степного края (современный Казахстан. — Г.К.) в немалой степени увеличило долю казахского населения, достигшую, тем самым своего современного уровня.

7 | Первая национальная автономия в составе Советской России. «Малая Башкирия» была образована на основе подписанного 20 марта 1919 г. в Москве соглашения между «центральной Советской властью и Башкирским правительством», созданным 21 февраля 1919 г. в селе Темясово представителями башкирских полков, перешедших на сторону российского большевистского руководства, и возглавленным «национальным лидером» — А.-З. Валидовым (Валиди) [см.: *Башкортостан...*, 1996, с. 381].

8 | Автономная (в составе России) Киргизская (Казахская) Советская Социалистическая республика была первоначально создана в составе Семиреченской, Акмолинской, Уральской и Актюбинской областей Степного края, а также Букеевской орды и Оренбургской губернии. Оренбург стал «столицей» этого административно-национального образования.

Становление татарского этнического сообщества в демографической структуре современной Оренбургской области было все так же тесно связано с формированием конфигурации как всего ее территориального пространства, так и его отдельных регионов.

В момент создания области в нее были включены не только территориально усеченные Оренбургский и Орский уезды прежней губернии, но также и ее нынешние районы западной зоны, ранее входившие в Самарскую губернию (и сегодня продолжающие экономически тяготеть к своей «метрополии» — ведущему центру Среднего Поволжья — Самаре). Коррекция же территории башкирской автономии провела нынешнюю границу (отдалив ее от Оренбурга) области и Башкортостана (а также увеличила долю башкир в демографической структуре области), включая и соединивший бывшие оба губернские уезда коридор Кувандыкского района. Одновременно, татарское население западной зоны внутренних административных формирований области может рассматриваться как прямое продолжение поволжско-татарской этнической группы (а сами эти формирования — как часть исторической территории ее расселения). Появление же татар в центральных районах областного территориального пространства (прежде всего в Оренбургском и Орском уездах бывшей губернии) связано с политикой имперской России (но также и советской политикой) на Южном Урале и на границе казахской Степи.

Время постсоветского развития знаменовало собой начало важных перемен и в развитии оренбургских мусульманских институтов. В середине 1994 г. на месте существовавшего ранее Оренбургского мухтасибата возникло Духовное управление мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият). Это Управление провозглашалось «региональным... объединением», включающим в свой состав мусульманские общины на всей территории области. «Канонически и административно» Оренбургский муфтият входил в «состав (в то время. — Г.К.) Центрального Духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ (далее — ЦДУМ. — Г.К.)» с центром в Уфе, руководимого муфтием Талгатом Тажутдином. Задачей муфтията, который возглавил бывший глава мухтасибата Абдул Барий Хайруллин, становилась «реализация гражданами права на свободу исповедания Ислама» в рамках «норм Российской конституции и вытекающих из нее законодательных актов» [здесь и далее см.: *Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият)...*, 1994, с. 1–4].

Основная задача муфтията определяла и конкретные цели его деятельности. Речь шла о «беспрепятственном проведении богослужений, религиозных обрядов и церемоний», «организации паломничества в священные места мусульман», поощрении религиозной благотворительности и создания «благотворительных заведений». Муфтият считал

необходимым участвовать в «основании и содержании... мест богослужения», в первую очередь, — мечетей. Приоритетными направлениями деятельности вновь созданного областного Духовного управления провозглашалось «обучение религиозному вероучению» в специально созданных для этого школах и курсах для детей и взрослых, «создание средних духовных учебных заведений для подготовки священнослужителей», «производство», ввоз в область и «распространение» на ее территории религиозной литературы, периодических изданий и «предметов культового назначения», а также «учреждение» предприятий «полиграфического, издательского и реставрационно-строительного профиля».

Для возникновения Оренбургского муфтията были весомые обстоятельства, ведущую роль среди которых играл беспрецедентно быстрый рост числа мусульманских общин. В 1990 г. на территории области были зарегистрированы 19 мусульманских объединений, число которых к 1994 г. достигло 58, а к концу 1997 г. — 78. Лишь Русская православная церковь (РПЦ) могла в этом отношении быть сравнена с мусульманами (34, 81, 111 религиозных объединений, соответственно) [см.: Рагузин, 1998, с. 29], тем не менее это сравнение не может восприниматься как адекватное, в том числе и потому что православное население области в численном отношении значительно превосходит взятых в своей совокупности всех проживающих в ее границах приверженцев ислама.

В 1996 г. мусульманские общины были владельцами или арендаторами 24 мечетей и 32 молитвенных домов, строительство еще шести мечетей продолжалось [Бурматов, 1994, с. 37]. Наконец, по состоянию на 1 января 2006 г. в Оренбургской области действовали 133 религиозных мусульманских организаций и объединений [см.: Список действующих религиозных организаций..., 2006], в распоряжении которых находилась 71 мечеть (в том числе, пять исторических мечетей Оренбурга) [*Подписание Протокола...*, 2006]⁹. При этом становление мусульманских общин не было лишено своеобразие, включая его региональный и этнический аспект.

Вновь создававшиеся мусульманские «приходы» возникали в первую очередь в исторически старых городах нынешней области с их устоявшимися вкраплениями татарского населения — Оренбурге, Орске, Бузулуке и Бугуруслане, как и в бывшем Сеитовом посаде — расположенной в непосредственной близости от областного центра Татарской Каргале. Лишь затем этот процесс начинал распространяться и в сельской местности.

9 | Вместе с тем, по словам министра информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области С.Г. Горшенина, в январе 2007 г. в распоряжении оренбургских мусульман было 89 «капитальных строений», используемых в качестве мечетей или молитвенных домов [Горшенин, 2007].

Если отталкиваться от официальных данных правительства Оренбургской области, то по состоянию на 1 января 2006 г. [здесь и далее см.: Список действующих религиозных организаций..., 2006] наибольшее число ныне действующих в этом регионе России мусульманских общин возникло в районах западной зоны с ее значительным татарским населением, где их насчитывается 51. При этом количество общин в пределах каждого из районов этой зоны едва ли не самым непосредственным образом зависит от численности местного татарского населения. Больше всего их зарегистрировано в Асекеевском районе (17 общин), а далее число их последовательно снижается — 9 общин в Матвеевском районе, 8 — в Северном и, наконец, 5 — в Абдулинском. Между тем в Первомайском районе с его наиболее значительным на фоне остальных районов этой зоны казахским населением — всего лишь две мусульманские общины. В Красногвардейском районе, где наиболее крупное вкрапление башкир, была зарегистрирована только одна община.

Ситуация в районах центральной зоны области имела свою специфику.

Общая совокупность всех зарегистрированных в районах этой зоны мусульманских общин составила 36, а количество их в каждом из этих районов вновь варьировалось в зависимости от того, какая из тюрко-мусульманских этнических групп в нем присутствует. Наибольшее число общин зарегистрировано в тех из них, где существенна доля татар: 6 общин — в Саракташском районе, 4 — в Шарлыкском, 3 — в Сакмарском, где расположена Татарская Каргала, и 2 — в Переволоцком. В свою очередь, в Тюльганском районе с его заметным башкирским населением в 2006 г. были зарегистрированы только две общины, равным образом, как и в Соль-Илецком и Акбулакском районах с их значимым казахским вкраплением — по одной. Даже если и учитывать относительно большое количество мусульманских общин в Оренбургском и Беляевском районах (соответственно — 5 и 3 общины), где также велика доля казахского населения, то, как следует из цитируемых официальных данных, эти общины возникли в исторически старых татарских селах, основанных еще в дореволюционную эпоху на пути миграции татар в пределы территории Оренбургской губернии. Но эти общины стали и центрами вероисповедного притяжения для местных казахов.

Наконец, не менее своеобразна и ситуация во внутриобластных административных подразделениях восточной зоны, где зарегистрировано всего 16 мусульманских общин. Их наибольшее число (7 общин) сконцентрировано в Кувандыкском районе — единственном, где присутствует относительно значительное (в ряду других районов этой зоны) татарское население. В каждом из остальных семи районов зарегистрировано только по одной мусульманской общине, действующей, как правило, в соответствующем районном центре. Если на этом фоне

Гайский район, казалось бы, и выглядит как исключение — 3 общины, то это впечатление не должно вводить в заблуждение — две из этих общин также действуют в районном центре. Районы восточной зоны Оренбургской области с их, порой, значительным казахским и башкирским населением действительно проигрывают с точки зрения наличия в них мусульманских «приходов» и соответственно мечетей.

В списке городов области Оренбург (что, естественно, имея в виду его историческое прошлое и связанное с этим прошлым татарское присутствие) лидировал с точки зрения зарегистрированных в нем мусульманских общин — 11 (включая и общины пригородных поселков). Число общин в других городах области было значительно меньше — по две в Орске и Бузулуке и 3 — в Бугуруслане. Но количество мусульманских общин в «новых» городах области, порой, было выше, чем в ее исторически старых городах, — 6 общин в Медногорске и 2 — в Новотроицке. Неожиданно значительное число медногорских общин связано с тем, что четыре из них возникли во включенных в черту города окрестных татарских поселках. В равной мере это относилось и к новотроицкой промышленной агломерации — обе городские мусульманские общины — итог расширения площади административно подчиненного Новотроицку пространства.

Если иметь в виду, что Медногорск (как и Гай) возник в зоне традиционного расселения башкир, а Новотроицк — казахов, то оба этих примера являются дополнительным доказательством недостаточно широкого распространения процесса создания религиозных общин на территории исторического проживания этих двух тюрко-мусульманских меньшинств в пределах областного пространства. С другой же стороны, оба эти примера вновь доказывают тесную связь ислама и его основного этнического представителя в Оренбургской области — татарского этнического меньшинства.

Призванный «канонически» объединить территориальное пространство области, Оренбургский муфтият, заявлявший в своем уставе, что он «следует призыву Всевышнего Аллаха “Держитесь за вервь Аллаха все и не разделяйтесь”» [*Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият)*]..., с. 1], не смог тем не менее сыграть эту роль. В декабре 1994 г. мусульманские общины северо-запада области заявили о своем выходе из-под его юрисдикции. Инициативная группа в составе десяти жителей Бугуруслана провозгласила учреждение параллельного Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланского муфтията) [здесь и далее: *Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият)*], а также связанные с его регистрацией документы: см.: *Архив управления юстиции...*].

Уставы обоих муфтиятов, официальные цели и направления их деятельности были практически идентичны. Бугурусланский муфтият

утверждал, что он верен тому же кораническому аяту, который указывает на незначимость национальных различий между мусульманами, а сферой приложения своих сил, как и его соперник, провозглашал всю область. «Канонически и административно» этот муфтият, в момент своего создания возглавленный Исмагилом Шангареевым, входил «в состав Высшего Координационного Центра Духовных управлений мусульман России» (ВКЦ)¹⁰ «с центром в Казани».

Истоки раскола в мусульманской среде Оренбургской области, конечно же, определялись общим условиями развития общероссийского процесса «исламского возрождения». Тем не менее оренбургская ситуация была следствием и обстоятельств местного характера — в их ряду, видимо, важнейшим была деятельность оренбургских национальных обществ, претендовавших на выражение интересов различных тюрко-мусульманских этнических групп и повторявших извывы развития национальных движений как в обеих российских автономиях — Татарстане и Башкортостане, так и в Казахстане. Итогом их деятельности стали многочисленные случаи противостояния представителей всех трех этнических групп, связанные с попытками (в первой половине 1990-х гг.) установить собственное господство над теми или иными зданиями мечетей, как и стремление навязать вновь возникавшим мусульманским общинам имамов, представлявших то или иное тюрко-мусульманское сообщество.

Односторонние башкирские претензии (поддерживавшиеся в Уфе) на Караван-Сарай, впервые высказанные уже в самом конце 1980-х гг., вызвали резкую полемику в среде татарских и башкирских национальных активистов на уровне Оренбурга [здесь и далее см.: Рагузин, 1996, — цит. по: *Россия и мусульманский мир...*, 1996, с. 55; см. об этом также: Ларина, Наумова, 2006, с. 88–89]. В начале же 1990-х гг. эта полемика приобрела новые нюансы после того, как имам-хатыбом мечети этого комплекса был назначен человек башкирского происхождения. Наконец, все те же противоречивые устремления национальных объединений заранее исключали возможность назначения имам-хатыбов татарского происхождения (не говоря уже об уроженцах Татарстана) в мечети тех районов, где присутствовали значительные вкрапления башкирского населения, как и, соответственно, имамов башкирского происхождения или выходцев из Башкортостана в мусульманские храмы районов с татарским населением.

В свою очередь, казахские национальные активисты противодействовали назначению имам-хатыбами мечетей, уже существовавших или вновь создававшихся в тех районах, где была велика доля

10 | Был создан в конце сентября 1992 г. во время работы в Москве второго Международного исламского форума ведущими фигурами нескольких региональных мусульманских объединений России, а также Крыма и стран Балтии. Свое окончательное название получил на съезде представителей этих объединений, состоявшемся в сентябре того же года в Казани. ВКЦ возник как структура, направленная против ЦДУМ и его главы муфтия Т. Таджутдина [см.: Малащенко, 1998, с. 113–115].

казахов, татарских или башкирских предстоятелей. Порой эта группа национальных активистов предполагала, что этими имамами могут быть едва ли не исключительно выходцы из Казахстана. Впрочем, процесс появления казахских имамов, начавшийся только в 1990-е гг. [здесь и далее цит.: Ларина, Наумова, 2007, с. 116–118], прошел, по всей видимости, несколько стадий. Первоначально речь шла об обучении «частным образом у имамов-казахов из Казахстана» или в Казахстане, хотя одновременно «начался процесс поступления казахов в российские медресе» (включая и созданное Оренбургским муфтиятом медресе Хусайнийя). При этом «во вновь открывающиеся мечети советы старейшин избирали имамами казахов», кандидатуры которых затем утверждал областной муфтият.

Противоречивость интересов национальных обществ (при лидирующей роли татарских объединений, стремившихся «воскресить» повторяющую дореволюционную эпоху ситуацию своего культурного доминирования), жесткое соперничество между ними на поприще «национализации» оренбургского областного пространства, да и сама «хрупкость» этого пространства с его отчетливо видимыми линиями региональных разломов, — все это в итоге привело к возникновению двух, конкурирующих между собой, оренбургских муфтиятов. Однако раскол в оренбургском мусульманском сообществе определялся также происхождением и личными пристрастиями (если не лояльностью тем или иным вновь возникавшим мусульманским центрам России и их лидерам) глав обоих мусульманских духовных управлений. Наконец, одной из его причин были, несомненно, и обстоятельства постсоветского развития области, где, как и повсюду в России, появлялись собственные многообразные и далеко не единые в своих интересах «центры влияния».

2. ПОДМОСТКИ ДРАМЫ

Итак, в декабре 1994 г. вследствие выхода из-под юрисдикции Оренбургского муфтията нескольких общин северо-запада области было создано параллельное ему Духовное управление мусульман Оренбургской области, расположенное в городе Бугуруслане. Инициативная группа, заявлявшая о своем стремлении учредить второе духовное управление, выдвигала причины, оправдывавшие, как ей казалось, этот шаг. Эти причины сводились к тому, что «Оренбург далеко» (областной центр, находящийся на расстоянии 360 км, не связан с Бугурусланом железнодорожным или авиационным сообщением, а только автобусной линией), и поездки в областной центр ради решения вопросов, связанных с обустройством жизни бугурусланской мусульманской общины, «требуют много сил и средств». Представители же Оренбургского муфтията, как подчеркивалось в обращении инициативной группы, и «расположенного в Уфе Центрального Духовного управления» мусульман «ни

разу не посетили Бугуруслан». Местному мусульманскому населению, отмечалось в том же обращении, «не оказывается финансовая помощь», так что оно само «на собственные средства» построило «мечеть и медресе с общежитием для студентов» [см.: *Архив управления юстиции...*].

1 февраля 1995 г. вновь образованный муфтият был зарегистрирован управлением юстиции Оренбургской области (ныне — управлением Федеральной регистрационной службы по Оренбургской области). В опубликованном по этому поводу заявлении представителя вновь созданного муфтията (пусть и искажавшего историческую картину) отмечалось: «Более двух столетий назад центр духовной жизни мусульман был в Оренбуржье, Духовное управление в то время называлось Оренбургское магометанское собрание»¹¹. Ссылки на придуманную историю должны были придать новому религиозному объединению необходимый налет легитимности, якобы, возникавшей не только благодаря «возвращению» центрального звена российской мусульманской жизни в пределы Оренбургской области, но и доказывавшей, что создание собственно Оренбургского муфтията — всего лишь «косметическое реформирование» уфимского ЦДУМ. Одновременно цитируемое заявление стремилось доказать, что осуществлявшаяся в те годы муфтием Т. Таджутдином «перестройка» подчиненного ему объединения не отменяла главного — жесткого централизованного начала в деятельности Центрального Духовного управления и, в этой связи, несамостоятельности возникшего в областном центре муфтията.

Далее цитируемый документ детализировал причины создания бугурусланского Духовного управления. В нем отмечалось, что «единство Исламского пространства России» ни в коей мере не противоречит существованию в нем «нескольких Духовных управлений мусульман, к которым сейчас присоединилось и Духовное управление мусульман Оренбургской области с центром в... Бугуруслане». Дальнейшие пассажи заявления звучали как едва ли не открытый вызов ЦДУМ и Оренбургскому муфтияту.

Принадлежность мусульман к «единой Исламской нации России», подчеркивалось в нем, предполагает создание «новых Духовных управлений по административно-территориальным признакам проживания мусульман». Речь, по словам авторов этого заявления, вовсе не шла о внесении «раскола в единую мусульманскую среду, а о практической необходимости решения насущных проблем мусульманских приходов на местах» — проблем, вызванных «бурным ростом духовного самосознания мусульманской нации России», того процесса, который ведет к «созданию массы приходов ... и медресе», к строительству «новых мечетей». Иными словами, ЦДУМ более не могло рассматриваться к каче-

11 | Здесь и далее цитируется заявление ответственного секретаря Бугурусланского муфтията от 2.02.1995 [*Личный архив автора*].

стве центра российских мусульман, а на месте подчиненных ему региональных структур (по крайней мере в Оренбургской области) должны были возникнуть жизнеспособные и адекватно реагирующие на вопросы, связанные с жизнью местных мусульманских сообществ, религиозные структуры.

К концу 1998 г. юрисдикция Бугурусланского муфтията распространялась на 18 «приходов» Бугурусланского, Северного, Матвеевского, Асекеевского и Первомайского районов запада области, а также один «приход» в городе Бузулуке. Из них только семь общин располагали зданиями мечетей, остальные же проводили религиозные собрания в частных домах (правда, для одной из этих общин завершалось строительство мусульманского храма, а еще одна — получила участок под его сооружение¹²). В то время Оренбургский муфтият располагал куда как более внушительным списком контролируемых им общин и объединений (70) и мечетей (52)¹³. Но уже в конце 1990-х гг. становилось очевидно, что сферы деятельности обоих муфтиятов взаимопроникаемы. А кроме того, и статус той или иной общины, примыкавшей к Бугурусланскому или Оренбургскому муфтияту (как показывало дальнейшее развитие событий), не оставался неизменным, — все зависело от соотношения сил в «приходском» совете¹⁴. Однако вопрос, связанный с возникновением и деятельностью Бугурусланского муфтията (как и расколом регионального мусульманского пространства), имел и более существенные грани.

Основанный в 1748 г. Бугуруслан (с 1850 по 1934 г. находившийся в составе Самарской/Куйбышевской губернии/области) исторически и географически тяготеет к Заволжью, а не Южному Уралу. Ситуация прошлого — и сегодня источник ностальгических размышлений для местной интеллигенции, — «по природным условиям этот район (Бугурусланский. — Г.К.) ближе к Средней Волге, нежели к природе среднего течения реки Урал (где расположен Оренбург. — Г.К.), — отмечало местное издание. — Он занимает лесостепную зону, имеет тучные черноземы. Климат его менее континентальный, чем в других частях Оренбуржья». Далее то же издание продолжало: «Расстояние от Бугуруслана до Оренбурга — 385 километров (так в тексте. — Г.К.)... до Самары — 179. Экономическими осями района являются железная дорога Самара–Уфа, автомобильное шоссе Самара–Бугуруслан» [*Кинельская чаша...*, 1999, с. 8–9, 133].

12 | Список приходов (махалля), входящих в состав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият), 1998 г. [*Личный архив автора*].

13 | Данные, приводившиеся (в то время) главой комитета по связям с религиозными организациями оренбургской областной администрации В.А. Лапшиным: [Лапшин, 1998, с. 8]

14 | По свидетельству муфтия И. Шангареева, в 1999 г. «группа членов приходского совета» подчиненной ему соборной мечети Бугуруслана «решила вычлениваться из состава Бугурусланского муфтията и войти в состав иногороднего (Уфимского) муфтията». Для «подготовки мусульманской общины города к переходу под юрисдикцию Уфимского муфтията» было решено пригласить «муфтия из Уфы», приехавшего в город 30 июля 1999 г. (речь идет о главе ЦДУМ Т. Таджугдине) [см.: Страсти улеглись, 1999; а также: Чуряк, 1999].

Мусульманское население этого города представлено в первую очередь татарами, — но он никогда не был сколько-либо значимым центром татарской национальной (или религиозной) жизни. Конечно, в юбилейном издании, подготовленном по заданию городской администрации к празднованию 250-летия основания Бугуруслана, отмечалось, что до 1930 г. на окраине города, в Татарской слободе, находились две мечети, при которых существовали медресе, а в начале XX в. в городе была открыта частная женская начальная школа-мектеб. Далее, продолжая перечисление, местный автор добавляла, что в 1920-е гг. — в Бугуруслане существовала татарская школа, в 1936–1939 гг. — «татаро-башкирское педучилище», в 1930-е же годы выпускалась «татарская газета с использованием латинского шрифта», в городском театре изредка ставили татарские спектакли, а в летнем кинотеатре показывали дублированные на татарский язык фильмы [здесь и далее см.: Каримова, 1999, с. 113–115].

Едва ли эти разрозненные факты позволяли поставить Бугуруслан в один ряд с признанными центрами мусульманской культуры России, тем более что и от этих скромных проявлений национально-религиозной жизни сегодня остались (если продолжить цитирование) «еле сочащиеся, затухающие истоки». Но все же эссе о бугурусланских татарах, включенное в посвященное городу юбилейное издание, его автор заканчивала на оптимистической ноте: «Заходящее светило ломаными лучами искрит купола поднявшихся в Бугуруслане (в Татарской слободе. — Г.К.) новой каменной мечети и медресе, где открыто высшее духовное мусульманское учебное заведение».

В заявлении инициативной группы бугурусланских «раскольников», выступавших с просьбой о регистрации второго на территории области Духовного управления, говорилось о том, что местная община «на собственные средства», без какой-либо помощи Оренбургского муфтията и ЦДУМ, построила «мечеть и медресе». Эти слова содержали некоторое преувеличение, — строительство новой мечети было завершено только в 1998 г. Впрочем, преувеличение касалось и ее «собственных средств». Вопрос тем не менее не был связан только с этим обстоятельством.

Вновь созданное в Бугуруслане медресе Аль-Фуркан¹⁵, провозглашавшееся в его уставе «четырёхгодичным исламским институтом» [Интервью с муфтием, 1998], призванным предоставлять «среднее профессиональное духовное образование» [*Устав религиозной организации...*, 1999, с. 2] (к 1999 г., по словам муфтия И. Шангареева, обучение в нем завершили 16 чел., а продолжали учиться еще 80 юношей¹⁶),

15 | Арабское слово, обычно понимаемое как синоним Корана. Название одноименной двадцать пятой суры Священной Книги ислама.

16 | Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999 [*Личный архив автора*]. Приводимые некоторыми отечественными изданиями данные, согласно которым за все время существования этого медресе в нем прошло обучение «около трех тысяч человек», кажутся, тем не менее, существенно преувеличенными [см.: *Ислам в Приволжском Федеральном округе*, 2007, с. 187].

занимало специально построенное для него трехэтажное кирпичное здание, к которому прилегало общежитие для иногородних студентов-шакирдов. Обучение, проживание студентов в общежитии, их питание и занятия спортом были бесплатны. Уже в момент начала своей работы медресе располагало компьютерным, видео- и копировальным оборудованием, как и факсимильной связью (что в то время было едва ли возможно не только для высших учебных заведений области, но и для ее государственных учреждений). Чуть позже, в 1999 г., в Бугуруслане же, но под эгидой Духовного управления мусульман «Ассоциация мечетей России» (см. ниже), было создано и женское мусульманское учебное заведение — действовавший под его арабским названием «*Маахад Аль-Хидая ли аль-банат* (Институт [духовного] руководства для девушек)», в которое ежегодно принималось не более 10 чел.

В свою очередь, находившаяся рядом с медресе Аль-Фуркан новая двухэтажная кирпичная соборная мечеть, официально открытая 18 сентября 1998 г., в областной прессе была названа «архитектурной жемужиной Оренбуржья» [Богданова, 1998]. Она пришла на смену молельному дому, который был перестроен из старого жилого деревянного дома, купленного в 1969 г. местной мусульманской общиной [Мухаметзянов, 1992].

Происходившие в Бугуруслане перемены были действительно заметны, в том числе на фоне областного центра, где все еще не построена соборная мечеть, отвечающая запросам его более значительного, чем в Бугуруслане, мусульманского населения. Ныне действующая в Оренбурге соборная мечеть, являющаяся одновременно штаб-квартирой Оренбургского муфтията, располагается в одноэтажном здании, бывшем в дореволюционное время одной из «приходских» мечетей города. В том же здании проходят занятия *шакирдов* открытого в 1991 г. трехгодичного медресе Хусаинийя¹⁷, где работают турецкие преподаватели [см., в частности: Интервью с турецким преподавателем..., 1996]. На вопрос о том, как «в наше время мечеть выживает», заданный корреспондентом одной из оренбургских газет, муфтий А.Б. Хайруллин ответил: «Выживаем... Скрывать нам нечего: мы ездим по деревням и собираем пожертвования. Кто-то поможет гречкой, кто-то — маслом, кто-то — мукой. Нам нужны продукты для того, чтобы кормить наших студентов из медресе. Их у нас 40 человек» [Предписан вам пост..., 1998]¹⁸. Что ж, в современной России религиозные объединения отделены от государства!

17 | Это медресе считает себя наследником дореволюционной Хусаинийи. Вместе с тем организационно оно является филиалом уфимского (входящего в структуру ЦДУМ) Исламского института им. Ризаэтдина Фахреддина [см.: *Ислам в Приволжском Федеральном округе*, 2007, с. 187–188]. Об Исламском институте им. Ризаэтдина Фахреддина см.: Юнусова, 2007, с. 62–63].

18 | Некоторые отечественные издания отмечают, что за время его существования медресе Хусаинийи окончили «более ста выпускников» [*Ислам в Приволжском федеральном округе*, 2007, с. 187]. Наряду с медресе Хусаинийи Оренбургский муфтият располагает и открытым в 2001 г. медресе Нур (Свет) в Орске [там же].

Не имея для того сколько-либо значимых предпосылок, Бугуруслан, небольшой провинциальный город, внезапно превратился в мусульманский центр, что особенно бросалось в глаза на фоне Оренбурга — одного из ведущих исламских центров дореволюционной России. Это превращение определялось несколькими неравноценными факторами. Быть может, важнейшим таким «фактором» стала личность главы Бугурусланского муфтията.

3. ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ...

Автор этой статьи впервые встретился с И. Шангареевым в начале июля 1999 г. в Москве. И сразу услышал от него вопрос: «А почему вы мной интересуетесь? Ведь я же ваххабит»¹⁹. Впоследствии же, когда мы встречались уже в Бугуруслане, муфтий вспоминал об этом как о шутке, к тому же неудачной. Но что означало — быть тогда (да, и сегодня) в России «ваххабитом»?

Исмагил Шангареев родился в 1956 г. в Ростове-на-Дону в татарской семье, в которой кроме него росло еще семеро детей²⁰. В то время его отец Калямутдин был имам-хатыбом местной соборной мечети. Во время событий в Новочеркасске²¹ К. Шангареев в публичной проповеди осудил действия властей, что повлекло за собой не только его отстранение от обязанностей духовного наставника верующих, но и кратковременное тюремное заключение. После освобождения из тюрьмы К. Шангареев, по словам его сына, претендовал на вакантное тогда место имам-хатыба казанской мечети «Марджани». Разумеется, его постигла неудача, — религиозный деятель, вступивший в конфликт со светскими властями, не мог рассчитывать на то, чтобы занять должность духовного руководителя верующих мечети крупного города. Но после отстранения Н.С. Хрущева идея бескомпромиссной борьбы с религией стала уходить в прошлое, — в 1964 г. К. Шангареев занял пост имам-хатыба Пермской мечети и оставался им до 1977 г. Затем он переехал в с. Алькино Похвистневского района Самарской области, где также стал имам-хатыбом местной мечети. Уже стариком К. Шангареев вернулся на родину своих предков — в татарское село Асекеево (сегодня — поселок), от которого до Бугуруслана рукой подать.

Как говорил И. Шангареев, он всегда был рядом с отцом. Среднее образование будущий бугурусланский муфтий получил в обычной советской школе, основы же вероисповедного знания — от отца. Натура честолюбивая, деятельная и увлекающаяся, Исмагил искал ту сферу

19 | Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 1 июля 1999 г. [*Личный архив автора*].

20 | Здесь и далее: Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999 [*Личный архив автора*].

21 | В июне 1962 г. в Новочеркасске (Ростовская область) вспыхнуло спровоцированное ростом цен на продукты питания выступление жителей этого города, проходившее под антисоветскими лозунгами. Оно было жестоко подавлено силами армии и внутренних войск.

приложения своих сил, которая могла бы в наибольшей степени удовлетворить его личностные запросы²². Вернувшись в 1978 г. в Бугуруслан после службы в армии, он наладил патентное производство аудиокассет на основе соглашения, заключенного им с ведущим советским производителем этой продукции — казанским заводом «Тасма». В Бугуруслане появился, по сути дела, филиал этого завода, возглавленный И. Шангареевым. Уже тогда его доходы заметно превышали заработки его земляков.

Вторая половина 1980-х гг. открыла перед И. Шангареевым новые возможности. Удачливый предприниматель думал о создании фильма, посвященного жизни советского мусульманского сообщества. Его сценарий, под условным названием «Полумесяц и молот», был написан в Бугуруслане одним из местных татарских интеллигентов. Хотя фильм так и не стал реальностью, работа над этим проектом позволила будущему муфтию познакомиться с американским режиссером и посетить Соединенные Штаты. Там, помимо прочего, он интересовался и жизнью местной мусульманской общины. Но все это еще не приводило И. Шангареева к религии — роль решающего толчка в этом процессе сыграла его встреча с муфтием Т. Таджутдином.

Перед своей кончиной К. Шангареев подарил главе ЦДУМ собрание собственных религиозных книг. Это и стало поводом для знакомства его сына с главой Центрального Духовного управления. Далее последовал хаджж, совершенный И. Шангареевым в 1990 г., затем — поездка вместе с муфтиями Т. Таджутдином и Р. Гайнутдином в Объединенные Арабские Эмираты и, наконец, посещение Иерусалима в составе делегации мусульман, христиан и иудаистов. В 1990 же году И. Шангареев поступил на учебу в уфимское медресе, а спустя три года — получил саудовскую стипендию, позволившую ему стать студентом²³ факультета богословия эр-риядского Исламского университета им. имама Мухаммеда ибн Сауда²⁴. Это было абсолютно беспрецедентно для российской уммы, тем более для ее оренбургского ответвления, — родившийся в деревне на территории нынешнего Башкортостана в 1938 г. оренбургский муфтий А.Б. Хайруллин [см. о нем: Тлекая, 1996], учившийся в советское время в бухарском медресе «Мир-Араб» и во второй половине 1980-х гг. назначенный имам-хатыбом соборной мечети Оренбурга и главой местного мухтасибата, конечно же, не мог быть сравним с деятельным И. Шангареевым.

22 | Здесь и далее: Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 3 октября 1999 [Личный архив автора].

23 | В беседе с корреспондентом газеты «Бугурусланская правда», состоявшейся в 1998 г., И. Шангареев сообщал, что ему «осталось учиться (в саудовской столице. — Г.К.) ровно год». Он говорил также, что его жена окончила первый курс того же университета, а пятнадцатилетняя дочь — второй. Двенадцатилетний сын бугурусланского муфтия тогда же, в 1998 г., учился в саудовской школе, а трое его младших детей посещали детский сад и ясли [см.: Рындина, 1998(1)].

24 | Исламский университет им. имама Мухаммеда ибн Сауда (Джами'ат ал-имам Мухаммад ибн Са'уд ал-ислямиййа) был создан в Эр-Рияде в 1974 г. на базе возникших ранее в саудовской столице (1953 и 1954 гг.) институтов шариата и арабского языка [см. раздел «Об университете»: <http://www.imamu.edu.sa/aboutimamu.htm>].

Инициированное И. Шангареевым строительство медресе в Бугуруслане было закончено в конце октября 1994 г., оно приняло первых своих студентов в ноябре того же года. По сообщению самого муфтия, строительство было осуществлено «на средства религиозных конфессий арабских и мусульманских стран, пожертвования прихожан, спонсорство организаций, предприятий, банков, предпринимателей» [Шангареев, 1995], среди которых он особо выделил двух местных татарских бизнесменов и связанный с Бугурусланской городской администрацией коммерческий банк «Спутник»²⁵. Первоначально занятия в медресе [Шангареев, 1995] вели выпускники Исламского университета в Медине²⁶. Спустя несколько лет корреспондент местной «Бугурусланской правды» сообщил, что медресе Аль-Фуркан является «филиалом Мединского университета в Саудовской Аравии» [Рындина, 1998(2)].

Основание медресе (ставшее возможным благодаря поддержке местных татарских предпринимателей, финансовых структур городской власти и ведущей державы мусульманского мира) заложило основу для превращения Бугуруслана в один из российских центров ислама, способный готовить по-мусульмански образованных руководителей «приходов» и общин. Но круг сторонников И. Шангареева в этом городе постепенно расширялся, что определялось и развитием событий вокруг строительства местной соборной мечети.

Сооружение мечети было начато летом 1991 г. под эгидой ЦДУМ, но уже на следующий год в связи с возникшими в стране (как и в самом ЦДУМ) финансовыми проблемами было заморожено. Муфтий Т. Таджутдин так и не смог найти средства на завершение строительства²⁷. Однако они были найдены И. Шангареевым, лично внесшим на строительство мечети 150 тыс. рублей (в те годы значительную сумму) [Каримова, 1995]. Он также настоял на сохранении устраивавшего администрацию города первоначального проекта здания храма (в то время как в интересах экономии, ЦДУМ предлагал от него отказаться)²⁸ и содействовал привлечению к финансированию его сооружения храма саудовских спонсоров.

25 | Банк «Спутник» был тесно связан с крупнейшей региональной промышленно-финансовой группой, резиденция которой расположена в Бугуруслане, — АО «Оренбургнефть». Деятельность банка развивалась в северных и северо-западных районах Оренбургской области (Бугурусланский, Асекеевский, Северный, Бузулукский) и в прилегающем к ним Похвистневском районе Самарской области [Бугурусланский «Спутник»... 1999]. По сути дела, сфера интересов этого банка почти полностью включает территорию распространения общин, на которые распространяется юрисдикция Бугурусланского муфтията.

26 | Исламский университет Просветленной Медины (Ал-Джами'ат аль-ислямийя би-л-Мадина ал-Мунаввара) был создан в сентябре 1961 г. Университетский устав определяет цели этого высшего учебного заведения, в частности, следующим образом: «распространение вечной миссии ислама в мире», «укоренение духа ислама в душе человека и в обществе» и «обучение мусульманских студентов из всех стран мира» [см. разделы «Создание университета» и «Цели университета»: <http://www.iu.edu.sa>].

27 | Глава «приходского» совета сооружавшейся мечети сообщил, что для решения вопроса о финансировании ее строительства муфтий Т. Таджутдин выделил ему религиозные книги для их дальнейшей продажи верующим. Тогда община обратилась за помощью «к предпринимателям, организациям, фермерам, кооперативам, мусульманам, всем жителям города и района» [Мухаметзянов, 1992].

28 | См. об этом свидетельство автора первоначального проекта, как и автора проекта медресе Аль-Фуркан, создавшего в конце 1980 гг. собственную «творческую мастерскую», главного архитектора Бугуруслана А. Сидорова [Сидоров, 1991].

В 1993 г. Бугуруслан посетила «делегация шейхов из Саудовской Аравии»²⁹, встречавшаяся как с членами общины мечети, так и с представителями исполнительной власти города. Результатом поездки этой «делегации» стало выделение «саудовскими мусульманами» 90 тыс. ам. дол. в качестве взноса на завершение строительства (помещенных в банк «Спутник») [Рындина, 1998(1)]. На небольшой российский город пролился золотой дождь!

И в дальнейшем начинания бугурусланского муфтия неизменно получали саудовскую финансовую поддержку. С другой стороны, ему продолжало оказывать помощь и большинство³⁰ местных татарских предпринимателей³¹, создававших в 1990-е гг. свои капиталы на поставках кожи в Турцию и зерна в страны Аравийского полуострова³². Установленные И. Шангареевым личные связи с представителями саудовского бизнес-сообщества (как и страты предпринимателей других государств Залива, в частности Объединенных Арабских Эмиратов), несомненно, способствовали реализации их зарубежных проектов. Все это и содействовало успешному продвижению начинаний самого И. Шангареева³³.

В первой половине 1990-х гг. И. Шангареев пользовался практически безоговорочной поддержкой обоих татарских национальных центров Бугуруслана и Бугурусланского района — местного представительства Оренбургского отделения Татарского Общественного Центра — ООТОЦ (но не его оренбургского руководства) и городского общества «Туган тел» («Родная речь») (что лишний раз доказывало существование внутренних разломов в татарском сообществе Оренбургской области). В мае 1994 г. от их имени, а также от имени мусульманской общины, было опубликовано обращение «Даешь народную стройку!». В нем, в частности, говорилось: «Не кажется ли вам, что приостановление строительства станет национальным позором? Ни один уважающий себя мусульманин не должен допустить этого, как того не допускали наши предки... Мечеть строится для сохранения наших моральных устоев, которые благотворно влияют на благополучие семейной жизни, нашего общества, нашего общего дома со всеми другими народами и верующими» [Даешь народную стройку!, 1994].

29 | Эта делегация представляла фонд «Ал-Вафк Ал-Ислами (Мусульманский вакф)», входящий в созданный спонсируемой Саудовским Королевством организацией Исламская конференция Фонд исламского сотрудничества.

30 | Не стоит считать тем не менее, что эта помощь была безоговорочной и всеобщей. В Бугуруслане нередкими были случаи довольно жесткого противостояния между семейно-клановыми группами татарских бизнесменов. Некоторые из них стремились поддержать соперников И. Шангареева в руководстве общины и муфтията [см.: Чуряк, 1999].

31 | Часто их помощь принимала традиционную форму мусульманской благотворительности. Так, бугурусланский муфтий сообщал, что «построить минарет (соборной мечети. — Г.К.) в честь памяти отца взялись братья Хайруллины — Ринат и Рафкат» [Страсти улеглись, 1999].

32 | Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999 г. [Личный архив автора].

33 | Среди этих начинаний — строительство мечети в селе Северном (центре Северного района), затраты на которое составили 25 тыс. ам. дол., завершение строительства мечети в селе Асекеево и сооружение мусульманского храма в селе Матвеевка (центре одноименного района) [там же].

Обретению поддержки национальных обществ содействовали многие обстоятельства — благотворительные обеды для малоимущих соотечественников (куда, впрочем, приходили жители города вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности), помощь местным детским садам и яслям, содействие ремонту курировавшегося бугурусланским представительством ООТОЦ татарского клуба им. Г. Тукая, «пополнение уголка татарской национальной культуры в краеведческом музее» города. Наконец, речь шла и о том, что «наверное, нет ни одной мусульманской семьи в Бугуруслане, Асекеево, Алькино (в Самарской области. — Г.К.), где не было бы книг, четок... лично привезенных из хаджжа и подаренных муфтием И. Шангареевым»³⁴.

18 сентября 1998 г. новая бугурусланская соборная мечеть была торжественно открыта. В Татарской слободе, на окраине провинциального города с ее помойками и оставшимися от зимы кучами печной золы собрались представители городской и районной власти (в их качестве спонсоров строительства мечети), татарской, в том числе и предпринимательской, общественности, делегации противостоящих ЦДУМ Духовных управлений Татарстана и Башкортостана, а также Самарского муфтията. В центре внимания собравшихся по старой советской традиции были дети — празднично одетые воспитанники татарского детского сада «Чулпан» [Богданова, 1998]. Наверное, это был миг высшего торжества для И. Шангареева, окончательно утверждавший его в качестве бугурусланского муфтия и позволявший ему надеяться на неизбежную победу в противостоянии с Оренбургом.

Феномен И. Шангареева состоял в том, что его усилиями была создана ситуация, принципиально отличная от положения в областном центре, которая и определила возможность появления конкурента областного муфтията. Этот человек обеспечил небольшому городу возможность стать центром притяжения для мусульман всего окружающего пространства, а также содействие легитимации начинаний местного татарского предпринимательства. Его восхождение к вершине религиозной карьеры приветствовалось местными татарскими национальными объединениями, благодаря ему усиливался регионализм западных районов (в т.ч. и в среде областного татарского сообщества). Стремление к региональной автономии в те годы полностью отвечало интересам бугурусланской исполнительной власти (как и власти других районов западной зоны области). Наконец, деятельность И. Шангареева лежала в русле реализации одной из «констант» саудовской внешнеполитической доктрины — обязательности помощи общинам единоверцев в немусульманских странах, распространению среди

34 | Неопубликованное сообщение для прессы, подготовленное по заказу Бугурусланского муфтията активисткой бугурусланского отделения ООТОЦ и журналисткой Н. Абдульмяновой [*Личный архив автора*].

них «духа истинной веры»³⁵ и содействия развитию в этих странах исламского прозелитизма [см.: Косач, Мелкумян, 2003, с. 105–134].

Феномен И. Шангареева, конечно же, доказывал неустойчивое состояние российской уммы времени 1990-х гг. с его ранее невозможными перспективами. Эти перспективы, по крайней мере в его случае, вовсе не ограничивались стремлением расширить сферу собственных интересов только территориальным пространством Оренбургской области. Да и обретение им статуса муфтия части этого пространства было, видимо, направлено на решение более амбициозных задач, возможность возникновения которых, в конечном итоге, вытекала из того же неустойчивого состояния российской уммы как одного из элементов российской государственности, в то время далекой от стабильности.

В 1994 г. усилиями (в то время) имам-хатыба Исторической мечети Москвы Махмуда Велитова и его заместителя (в будущем — главы одного из противостоявших друг другу муфтиятов Ульяновской области), брата И. Шангареева Тагира, в российской столице было зарегистрировано Духовное управление мусульман «Ассоциация мечетей России», провозглашавшееся надрегиональной структурой, объединяющей мусульманские «приходы» и общины всей России³⁶. Обретение И. Шангареевым поста бугурусланского муфтия позволило в дальнейшем включить в сферу юрисдикции «Ассоциации» часть примкнувших к нему общин на территории Оренбургской области (сфера деятельности «Ассоциации», как показало дальнейшее развитие событий, не выходила за пределы Ульяновской и Оренбургской областей). Сам же факт ее возникновения означал, что в составе вновь сформировавшейся мусульманской элиты России появилась спаянная родственными узами, целеустремленная и активная группа братьев Исмагила и Тагира Шангареевых. (В нее мог бы войти и их брат Мансур, арестованный и осужденный 2005 г. по обвинению в «ваххабитской» деятельности, в случае, если бы его «раскольнические» действия в Астраханской области, идентичные действиям его братьев, оказались успешными.)

И. Шангареев следовал в фарватере тех тенденций, которые в 1990-е гг. развивались в мусульманском сообществе России. Созданный в 1996 г. под руководством муфтия Московской соборной мечети Р. Гайнутдина Совет муфтиев России (в его качестве структуры, направленной против ЦДУМ) и последовательно развивавшееся сотрудничество между этой организацией и Высшим координационным центром Духовных управлений мусульман России [см. об этом: Мала-

35 | Отчеты саудовцев, посещавших Бугуруслан, содержали пассажи о царящем среди их местных единоверцев невежестве — джахилие, о «незнании» ими основополагающих норм мусульманской жизни, о том, что местная татарская молодежь не имеет никакого «представления о ценностях ислама» и по своему поведению мало чем отличается от своих русских сверстников. В свою очередь, отмечали они, старшее поколение «следует некоторым религиозным обрядам», но опутано «множеством суеверий и предрассудков», абсолютно «несовместимых» с подлинными основами веры [см., например: *Тақрир 'ан сайр ал-маахад...*, 1419 X, с. 7].

36 | Автор искренне благодарен российскому этнографу и исламоведу Д.З. Хайретдинову за предоставленную консультацию по этому вопросу.

шенко, 1998, с. 117–119] предопределили возможность вступления как Бугурусланского муфтията, так и ДУМ «Ассоциация мечетей России» в Совет муфтиев.

С 2001 г. И. Шангареев стал жить в Москве, став руководителем «Ассоциации мечетей России» и сопредседателем Совета муфтиев России. Тем не менее он сохранил за собой пост главы Бугурусланского муфтията, ни в коей мере не утратив тесных и взаимовыгодных связей с исполнительной властью города Бугуруслана, а также с руководством тех западных районов Оренбургской области, где имеются подчиненные этому муфтияту «приходы» и объединения [Мацузато, 2006, с. 147–148]. В то время в Оренбурге уже разворачивалась жесткая кампания, направленная против бугурусланского муфтията. В этой кампании участвовал не столько глава Оренбургского муфтията А.Б. Хайруллин, сколько непосредственно ЦДУМ, представленный в первую очередь муфтием Т. Таджутдином.

4. ... И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Наверное, начало этой кампании стоит отнести к апрелю 1999 г., когда глава ЦДУМ, посещавший Оренбургскую область, прибыл в Бугуруслан (тогда И. Шангареев находился за пределами России). Выступая в местной соборной мечети, Т. Таджутдин заявил о существовании внутри российского мусульманского сообщества «нескольких неравноценных по влиянию и качеству деятельности духовных центров», борьба за лидерство между которыми «способствует проникновению в духовное сознание мусульман религиозного и национального экстремизма». В этом, по его словам, «заинтересованы определенные силы на Западе и в мусульманском мире, мечтающие о господстве ислама, нехарактерного для России шиитского (так в тексте. — Г.К.) толка». Далее Т. Таджутдин отмечал, что противостояние религиозных центров «по сути своей — это борьба патриотического крыла российского ислама, мирно уживающегося с другими конфессиями... во главе с лидерами, осознающими себя... россиянами, а потом уже мусульманами, и... панисламистами, интересы которых сужены до личных... а раскольническая деятельность диктуется зарубежными хозяевами» [Янцев, 1999].

В июне того же года муфтий Т. Таджутдин говорил о том же, но еще более резко, на съезде Оренбургского муфтията: «Не секрет, что есть эмиссары, готовые к сотрудничеству с представителями ислама. <...> У них есть деньги, но у них и свои интересы. ... Но учтите, такие эмиссары готовы работать только на самих себя. Пользы от сотрудничества с ними не будет. Это особенно важно учесть перед выборами (в декабре 1999 г. в России состоялись очередные парламентские выборы. — Г.К.) и не нужно соблазняться на деньги» [Амиров, 1999]. В конце июля — начале августа 1999 г. пресса областного центра ак-

тивно включилась в направленную против Бугурусланского муфтията кампанию. Его главе вменялись в вину «насильственные присоединения приходов» к возглавляемому им Духовному управлению, как и «подкуп должностных лиц». Вероятно, эту кампанию (о чем свидетельствовали некоторые пассажи в опубликованных текстах) инспирировал в канун выборов руководитель областного комитета по связям с религиозными организациями [см. в частности: Басыров, 1999]³⁷.

В октябре 1999 г., обращаясь к главе Бугурусланской городской администрации (в то время) В.В. Жукову, Т. Таджутдин утверждал, что в городе действует «группа лиц, открыто проповедующих экстремистское течение “ваххабизм”», среди которых «участники летних лагерей ваххабитов, собранных Шангареевым И. из различных регионов России, среди которых выделялись иностранцы-арабы». В своем официальном письме мэру города глава ЦДУМ отмечал, что действия этой «группы лиц» связаны с «вторжением в Дагестан сторонников религиозного экстремизма и фанатизма», а также подчеркивал, что «довел свою обеспокоенность до сведения Президента России Б.Н. Ельцина и премьер-министра положением... в городе». В письме содержалось требование: «Гнездо подготовки ваххабитов в Бугуруслане должно быть закрыто!»³⁸ Но еще раньше, в сентябре 1999 г., когда боевые действия в Дагестане только начинались, авторы московских газет, в том числе называвших себя либеральными, ссылаясь на мнение близких к ЦДУМ глав муфтиятов соседних с Оренбургской областей, открыто называли Бугуруслан «гнездом ваххабизма» [см., например: Серенко, 1999].

Обвинения противника в приверженности «ваххабизму» были едва ли не основным инструментом действия главы ЦДУМ и Оренбургского муфтията, которые были обращены не столько к верующим, сколько к региональной и федеральной власти. Для этого были формальные основания — тесные контакты И. Шангареева с Саудовским королевством. Тем не менее ни один из документов муфтията не указывал на то, что Бугурусланский муфтият или какой-либо из его «приходов» следовал саудовскому ханбалитскому мазхабу. Напротив, в уставе муфтията, в частности, подчеркивалась приверженность этого Духовного управления требованиям Корана и Сунны, «отраженным в религиозно-правовом направлении имама Абу Ханифы», обязательном

37 | Выходящие в Оренбурге региональные издания московских газет были более откровенны. Так, «Комсомольская правда в Оренбурге» без каких-либо обиняков называла главу комитета по связям с религиозными организациями администрации Оренбургской области В.А. Лапшина человеком, выставляющим И. Шангареева «кровожадным ваххабитом... поддерживаемым братьями по вере из Саудовской Аравии» [Чуряк, 1999]. Формально позиция комитета по связям с религиозными организациями в связи с конфликтом между обоими действующими в области муфтиятами, как и между И. Шангареевым и Т. Таджутдином, была нейтральной. В.А. Лапшин писал в связи с этим, что «противоборство между Оренбургским и Бугурусланским муфтиятами может быть той искрой, которая способна стать главным компонентом в этноконflikте... Поэтому комитет... считает одной из своих приоритетных задач — поддержание лояльных отношений между двумя муфтиятами» [Лапшин, 1998].

38 | Письмо Председателя ЦДУМ России и Европейских стран СНГ Верховного муфтия шейх-уль-ислама Т. Таджутдина главе администрации г. Бугуруслана В.В. Жукову от 28 октября 1999 г. [Личный архив автора].

для всех находящихся под его юрисдикцией религиозных организаций [*Устав Духовного управления мусульман*, 1995, с. 2].

Бугурусланский муфтият и «Ассоциация мечетей России» действительно расширили сферу своего влияния в пределах территории области. Тем не менее ситуация, сложившаяся к началу 2006 г. в итоге развития противостояния между обоими муфтиятами, доказывала, что Оренбургское Духовное управление контролировало большее число мусульманских общин, чем его бугурусланский конкурент [здесь и далее подсчитано по: *Список действующих религиозных организаций...*, 2006]. В то время как юрисдикция Оренбургского муфтията распространялась на 80 общин, то обеих, связанных с муфтием И. Шангареевым — Бугурусланского муфтията и Духовного управления мусульман «Ассоциация мечетей России» — на 46. При этом число религиозных объединений, «канонически» подчиненных собственно Бугурусланскому муфтияту, составляло 15, а «Ассоциации мечетей России» — 31. Вопрос, однако, заключался в том, что эти показатели должны восприниматься как во многом формальные, если их рассматривать в отрыве от географии распространения этих общин, как и их этно-регионального компонента.

Общины и объединения, подчинявшиеся Оренбургскому муфтияту, существовали практически во всех районах области — как в ее западной зоне, так и центральной, и восточной. Общины же, действовавшие под руководством Бугурусланского муфтията и «Ассоциации мечетей России», присутствовали в западной и восточной зонах районов, но отсутствовали в центральной зоне области, включая Оренбург³⁹ и Татарскую Каргалу. Однако при этом присутствие Оренбургского муфтията на западе области было едва ли не призрачно, как соответственно и присутствие обоих руководимых или связанных с И. Шангареевым духовных управлений на ее востоке. Если Оренбургскому муфтияту были подчинены четыре общины Асекеевского района, по одной в Северном районе, а также в городах Бугуруслане и Бузулуке, то равным образом Бугурусланский муфтият располагал одной общиной в Гае, а «Ассоциация мечетей России» пятью общинами в Медногорске и одной общиной в Новотроицке. Тем не менее центральная зона районов в любом случае оставалась, по сути дела, монопольной сферой деятельности сторонников оренбургского муфтия А.Б. Хайруллина (и, разумеется, ЦДУМ).

Западные же районы области (даже если учитывать существование там немногочисленных общин Оренбургского муфтията) выглядели как практически монопольное владение духовных управлений, связанных с И. Шангареевым. Юрисдикция Бугурусланского муфтията и «Ассоциации мечетей России» распространялась на все общины Се-

39 | В оренбургской прессе второй половины 1990-х гг. появлялись сообщения о том, что община оренбургской мечети Хусайнийя устанавливала контакты с Бугурусланским муфтиятом [см., например: *Идти по стопам Пророка*, 1997]

верного и Матвеевского районов, 13 общин Асекеевского района, пять общин Абдулинского района (только в районном центре Абдулино существовала община, руководимая Оренбургским муфтием), четыре общины Бугурусланского района (хотя в самом городе действовало одно объединение, «канонически» примыкавшая к муфтияту областного центра). Наконец, каждый из конкурентов — Оренбургский и Бугурусланский муфтияты — располагал по одной общине в Бузулуке и также по одной общине в центре Первомайского района.

Возникавшая в связи с этим картина была показательна. Общины связанных с И. Шангареевым мусульманских Духовных управлений отсутствовали в тех районах области, где имеются значительные вкрапления башкирского этнического меньшинства — Красногвардейском и Тюльганском. Логично предположить, что присутствие этих общин в Гае и Медногорске скорее связано с тем, что в демографической структуре этих городов имеются и вкрапления татар, доля которых относительно равна доле башкир. Равным образом существование общины «Ассоциации мечетей России» в Новотроицке, как и общины Бугурусланского муфтията в центре Первомайского района (но не в сельской местности), вероятнее всего, вновь определялось не распространением влияния этих двух духовных управлений в казахской среде, а присутствием там татарского населения.

Тем не менее наиболее яркой чертой оренбургского мусульманского пейзажа являлось монопольное положение Духовных управлений, связанных с деятельностью И. Шангареева, на западе области и, соответственно, руководимого А.Б. Хайруллиным Оренбургского муфтията в ее центральных районах. При этом противостояние между обоими конкурентами происходило едва ли не исключительно в татарской этнической среде. Это обстоятельство вновь заставляло говорить о внутриобластных регионалистских линиях размежевания, одним из показателей которого (вне зависимости от способов формирования и Бугурусланского муфтията, и «Ассоциации мечетей России», их связей с внешними мусульманскими центрами, как и отношений между этими двумя духовными управлениями и иными центрами мусульманской жизни России) выступало неизбежное раздробление местного татарского этнического сообщества.

Татарское население центральной и западной зоны внутриобластных административных образований оказывалось ориентированным на различные центры притяжения в рамках, казалось бы, единой конфессии, что вновь объяснялось однажды возникшей конструкцией областной территории. Выражавшаяся мусульманскими (и вроде бы едиными в этническом отношении) общинами лояльность тем или иным религиозным лидерам лишь подчеркивала существование различий в их ориентациях, вновь вытекавших в конечном итоге из самой сущности конструкции оренбургского областного пространства.

Сферы юрисдикции обоих муфтиятов становились стабильными величинами, устойчивость которых определялась объективными обстоятельствами существования оренбургских приверженцев ислама — сообществ местных тюрко-мусульманских меньшинств. Но это не означало, что И. Шангареев не осуществлял открытой экспансии в направлении тех российских территорий, где влияние ЦДУМ казалось всеобъемлющим и непоколебимым. Создавая лояльные ему объединения, среди которых, в частности, Всероссийский форум студентов-мусульман, президентом которого (используя свое положение человека, формально продолжавшего учиться в одном из университетов саудовской столицы) он был сам [Канин, 1999], или Всероссийская ассоциация мусульманок (возглавленная его женой Марьям) [Галимов, 1999(1); он же, 1999(2)], глава Бугурусланского муфтията поощрял распространение их полуавтономных ячеек — *джамаатов* (объединенных тем не менее единым центром со штаб-квартирой в Бугуруслане) на территории «приходов», официально подчиненных муфтию Т. Таджутдину, — в центральных и восточных районах Оренбургской области, в Ульяновской области, в Башкортостане и Мордовии. К тем же результатам приводили и ежегодно проводившиеся И. Шангареевым летние лагеря для мусульманских девушек и женщин, а также для молодых мусульман-мужчин (в их числе было и немало принявших ислам русских), как и для имамов и муэдзинов.

Только в 1999 г. в трех таких последовательно проводившихся лагерях (на организацию которых и тогда, и ранее выделялись немалые, по российским меркам, средства саудовских фондов⁴⁰) приняли участие 400 уроженцев различных регионов Урала и Поволжья, в том числе 60 действующих имамов⁴¹. В этих летних лагерях велась предварительная работа по созданию новых *джамаатов*, в чем автор этих строк имел возможность лично убедиться, наблюдая в июне 1999 г. за работой женского летнего лагеря⁴². С другой стороны, цели расширения сферы влияния муфтия И. Шангареева (как и на определенном этапе Совета муфтиев России) служил и созданный под его руководством (после ареста в Астраханской области его брата Мансура) Исламский правозащитный центр, развивавший отношения с неформальными организациями российских правозащитников (центром «Мемориал» и Московской Хельсинкской группой) [см., например: Дмитриев, 2006; Никольский; Открытое письмо..., 2007].

Ретроспективный взгляд на развитие событий вокруг Бугурусланского муфтията позволяет сказать, что оно определялось несколькими существенными (внутренними и внешними, но далеко не

40 | На проведение летних лагерей только в 1998 г. Фонд «Исламский вакф» выделил 40 тыс. долларов Соединенных Штатов [см.: *Тақрир 'ан сайр ал-мухайамат...*, 1419 X, с. 3]

41 | Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 21 августа 1999 г. [*Личный архив автора*].

42 | См. более подробно о деятельности И. Шангареева: [Косач, 2000, с. 59–85].

соразмерными по значимости) причинами. Среди них эволюция ситуации в регионе российского Северного Кавказа; создание международной антитеррористической коалиции, последовавшее за трагедией 11 сентября 2001 г., и, наконец, во многом, коренное улучшение российско-саудовских отношений, ставшее результатом состоявшегося в начале сентября 2003 г. визита в Москву Абдаллы, в то время наследного принца, а затем короля Саудовской Аравии. Но, быть может, основным фактором, сделавшим перемену в противостоянии обоих муфтиятов Оренбургской области неизбежной, стало формирование президентом В.В. Путиным новой «вертикали» российской власти. Оно оказало мощное воздействие на позиции всех конкурирующих религиозных центров российской уммы.

В течение 2003–2006 гг. в Оренбургской области было начато мощное наступление на действовавшие в ее западных районах и созданные И. Шангареевым медресе (в частности, при мечети в Асекееве и в селе Бакаево Северного района), которые отныне рассматривались как «источники распространения ваххабитского учения». В апреле 2005 г. на пресс-конференции в Москве [здесь и далее цит. по: Пономарев, 2005] глава Бугурусланского муфтията говорил о том, что жесткому давлению власти подвергаются медресе Аль-Фуркан (где во время рейда подразделения войск специального назначения в начале октября 2004 г. была «обнаружена ваххабитская литература») и женское религиозное учебное заведение Маахад Аль-Хидая.

В середине ноября 2004 г. деятельность медресе была приостановлена самим муфтием И. Шангареевым, в дальнейшем же медресе вновь стало действовать, но только лишь в качестве краткосрочных курсов. Наконец, в феврале 2005 г. прокуратура Оренбургской области подала в областной суд исковое заявление о ликвидации медресе Аль-Фуркан⁴³. Месяцем позже, в марте 2005 г., был произведен обыск в Маахад Аль-Хидая, где была также «обнаружена ваххабитская литература», что позволило поставить вопрос и о его закрытии. В то время в оренбургской прессе продолжалась активная кампания против И. Шангареева⁴⁴.

В марте 2006 г. медресе Аль-Фуркан было окончательно закрыто. Его ликвидации предшествовал очередной рейд подразделения специальных войск и обыск в здании, которое оно занимало. Итогом обыска стало «обнаружение листовки Хизб-ут-Тахрир», а самом медресе «была выявлена ячейка международной организации “Партия освобождения ислама”», в которую входили «обучавшиеся в медресе вы-

43 | Предлогом для подачи иска было «обучение без лицензии», «нарушение правил пожарной безопасности и санитарных норм», а также «обнаружение 6 октября 2004 г. взрывчатки» и «информация ФСБ об обучении в медресе 6 лиц, имеющих отношение к террористической деятельности».

44 | Достаточно сослаться на несколько статей, опубликованных в Оренбурге и в Бугуруслане. Это – «Гнездо ваххабитов» (*МК в Оренбурге*, 16.01.2002); «Аль-Фуркан терпит фиаско» (*Оренбуржье*, 24.01.2002); «Оренбургские спецслужбы против ваххабитов» (*Бугурусланская правда*, 12.02.2005); «Снимок из архива Масхадова» (*Южный Урал*, 16.03.2005).

ходцы из Узбекистана» [здесь и далее см.: В Оренбуржье начнется суд..., 2006]. В связанном с этими событиями заявлении Оренбургской областной прокуратуры подчеркивалось, что «у бывших работников медресе (речь шла о его преподавателях — в то время российском гражданине тунисского происхождения и нескольких татарах. — Г.К.) также была обнаружена литература террористической направленности». Про этих людей — «распространителей экстремистской литературы» в заявлении следователя прокуратуры говорилось, что они «автоматически становятся членами партии Освобождения Ислама». В свою очередь, в заявлении Управления внутренних дел по Оренбургской области отмечалось: «Возникло подозрение, что ... сам руководитель медресе может иметь отношение к распространению листовок экстремистского содержания». 27 марта 2006 г. был произведен (уже не первый) обыск и в московской квартире И. Шангареева. Внимание власти (как федеральной, так и региональной) к медресе Аль-Фуркан (повторно зарегистрированном Управлением юстиции Оренбургской областной администрации в мае 1999) было, конечно же, частью проводившегося в различных регионах России курса на «искоренение» того, что официальные власти страны обычно называли «очагами ваххабизма».

Медресе Аль-Фуркан, скорее всего, занимало центральное место в системе взаимоотношений «Бугуруслан — Саудовская Аравия», установившихся при активном содействии муфтия И. Шангареева. Оно было, как это определялось в его уставе, «негосударственным духовным мусульманским образовательным учреждением», созданном Бугурусланским муфтиятом и по своему статусу являвшимся «местной мусульманской религиозной организацией» [здесь и далее цит.: *Устав религиозной организации...*, 1999, с. 2–14]. В своей деятельности (как и сам муфтият) медресе руководствовалось известным кораническим аятом «Держитесь за вервь Аллаха все и не разъединяйтесь», «откровением Всевышнего Аллаха — Аль-Куръан», «Сунной Пророка Мухаммеда» и «нормами Шариата» в «соответствии с религиозно-правовым направлением ... имама Абу Ханифы» и «при уважении традиционных мазхабов имамов Шафии, Малики, Ханбали (так в тексте цит. Документа. — Г.К.)». Неханифитские мазхабы упоминались в уставе медресе лишь в четвертой статье его первой главы, в дальнейшем же, при определении функций ректора, ученого и попечительского советов, ссылки давались только на ханифитский мазхаб. В сфере гражданских взаимоотношений медресе действовало на основе Конституции Российской Федерации, а также российских законов «О свободе совести и религиозных объединений» и «Об образовании».

Цели медресе определялись как «повышение духовного потенциала и укрепление духовно-нравственных устоев общества, создание... основы для подготовки гармонично развитых и высокообразованных

личностей, совместное исповедание и распространение ислама». Медресе должно было содействовать «взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, различными расовыми, национальными, религиозными и социальными группами людей, учитывая разнообразие (существующих в обществе. — Г.К.) мировоззренческих подходов».

Медресе осуществляло подготовку студентов мужского пола по программам «подготовки специальностей имам-хатыба и муэдзина». Обучение в нем происходило на русском языке (в дальнейшем же, после введения четырехлетней программы обучения предполагалось, что обучение в течение двух последних лет будет происходить по-арабски). В сетке его часов отсутствовали какие-либо светские дисциплины (в этом отношении, как и с точки зрения языка преподавания, оно не было похоже на *джадидские* медресе, да и на их *кадимистские* аналоги дореволюционной России). Предметы, изучавшиеся, например, на втором курсе медресе, включали Коран, *тафсир*, *хадисы*, *фикх*, *сиру* Пророка, основы веры ('*акида*) и грамматику арабского языка (*нахв*) [Джадвал ал-хисас...]. Финансирование деятельности медресе регулярно обеспечивалось фондом «Исламский вакф». Его преподавателями были первоначально саудовцы, а в дальнейшем же их место заняли тунисцы и алжирцы (некоторые из них были российскими гражданами), окончившие Исламский университет Умм-ал-Кура⁴⁵ (Мекканский университет)⁴⁶, заработная плата которых поступала из того же саудовского фонда.

Имеющийся в распоряжении автора этой работы список (к сожалению, неполный) 43 *шакирдов* медресе Аль-Фуркан (датированный 1999) позволяет составить определенное впечатление об этих студентах [здесь и далее: Список студентов...].

Все они были молоды. Самый старший родился в 1965 г., самый младший — в 1985. Только тринадцать родились до 1980 г. В этом списке 20 татар, 6 казахов, 4 дунганина, 4 таджика, 3 киргиза, 2 узбека, по одному башкиру, уйгуру, азербайджанцу и русскому. Все они были (за исключением одного) холосты. Только один из них родился в Бугуруслане, хотя сам И. Шангареев рисовал иную картину — среди студентов медресе, по его словам, 10 % бугурусланцев, 65–75 % татар из других регионов России и 35 % представителей «ближнего зарубежья»⁴⁷.

45 | Старейшее саудовское высшее учебное заведение — Джами'ат Умм-ал-Кура — Университет Матери Городов (традиционный арабо-мусульманский эпитет Мекки). Первоначально возник (в 1949 г.) как созданный по специальному указу основателя современного Саудовского государства короля Абдель Азиза Ибн Сауда шариатский факультет в Мекке в его качестве первого высшего саудовского учебного заведения. В настоящее время ведет подготовку специалистов в области богословия, а также широкого списка гуманитарных и технических специальностей [см.: http://www.uqu.edu.sa/pdf/UQU_brief_history.pdf].

46 | По словам И. Шангареева, он лично встречался с выпускниками этого университета, предлагая им поехать на работу в Бугуруслан и отбирая тех из них, кто, по его мнению, наилучшим образом подходил для этого. — Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июля 1999 г. [Личный архив автора]

47 | Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июля 1999 г. [Личный архив автора]

Из списка студентов медресе [здесь и далее: Список студентов...] вытекало, что только шесть татар из общего числа Сатарских студентов были выходцами из районов Оренбургской области, входящих в зону влияния Бугурусланского муфтията. Остальные приехали туда из Татарстана, Башкортостана и Мордовии. Студент-башкир прибыл в Бугуруслан из Башкортостана, студенты-казахи из юго-восточных районов Оренбургской области и Казахстана (в частности, Актюбинской области). Единственный русский студент (мусульманин) — уроженец Ижевска (Удмуртия).

подавляющее большинство этих студентов до приезда в медресе жили в сельской местности или в небольших городах, по укладу жизни близких к деревням. Большинство из них — выходцы из многодетных семей (5–7 детей), где матери — домохозяйки. Профессии же их отцов чаще всего связаны с физическим трудом (шофер, столяр, сапожник, строитель, каменщик). Не многие родились в семьях сельских учителей, преподавателей средних профессионально-технических училищ, только у одного *шакирда* отец — сельский имам-хатыб. Тем не менее среди профессий отцов студентов назывались также «фермер» и «предприниматель», хотя, вероятно, речь шла вовсе не о богатых людях, а о представителях деятельного слоя сегодняшнего российского населения. Это означало лишь, что, видимо, наметилась тенденция к появлению предпринимательских групп, которые объединенные общими религиозными узами, имеют подготовленных при их финансовой поддержке служителей культа и так обеспечивают свое этносоциальное выживание. Беседы автора этой статьи со студентами медресе дали ему определенное основание для этого вывода.

5. РАЗВЯЗКА ДРАМЫ

Крушение медресе Аль-Фуркан поставило под сомнение смысл дальнейшей деятельности И. Шангареева на поприще религии. В конце августа 2007 г. на созванном по его инициативе (но состоявшемся без его участия) «внеочередном съезде» Бугурусланского муфтията и «Ассоциации мечетей России» было заявлено, что И. Шангареев сложил с себя полномочия главы обоих религиозных объединений «в связи с отъездом на постоянное место жительства за границу» (в Объединенные Арабские Эмираты. — Г.К.). Его преемником на посту главы Бугурусланского муфтията стал его «заместитель» Асхат Шафигуллин [Исмаил Шангареев сложил с себя полномочия..., 2007]. Но еще раньше, в мае 2007 г., глава Оренбургского муфтията А.Б. Хайруллин поспешил заявить, что «шангареевцы» вошли в состав возглавляемого им Духовного управления: «Сделав приличное количество ошибок, — отметил он, — бугурусланцы решили начать все с чистого листа. Возможно, из-за того, что Исмаил Шангареев уже давно живет не в России, бугурусланцы об-

ратились ко мне с просьбой разрешить им войти в состав нашей организации. Что им надо было ответить?! Я согласился, ведь проигравших надо прощать» [«Шангареевцы» вошли в состав РДУМ..., 2007]. Впрочем, в начале июня того же 2007 г. И. Шангареев опроверг слова А.Б. Хайруллина⁴⁸.

Вне зависимости от того, верна ли информация, сообщенная А.Б. Хайруллиным или И. Шангареевым в связи с судьбой Бугурусланского муфтията, очевидно главное обстоятельство — И. Шангареев проиграл своему оренбургскому сопернику (и, что существеннее, главе ЦДУМ муфтию Т. Таджутдину). При этом называвшиеся выше причины, определявшие широкое наступление на возглавлявшееся бывшим бугурусланским муфтием Духовное управление, при всем их значении для развивавшегося процесса носят общенациональный, или глобальный, характер. Но все те же причины, если облечь их в более приземленную форму, будут выглядеть весомее и принципиальнее.

В начале 2000-х гг. муфтий И. Шангареев окончательно стал *persona non grata* для многих (в том числе и для Совета муфтиев России⁴⁹, как и для представителей молодой российско-мусульманской интеллигенции татарского происхождения), поскольку возникали новые, плохо совмещавшиеся с эпохой становления российской государственности тенденции развития и Оренбургской области, и российского мусульманского сообщества. Но в первую очередь он был «нежелателен» для исполнительной власти Оренбургской области.

Казалось бы, победа Оренбургского муфтията над его региональным соперником восстанавливала «каноническое» единство приверженцев ислама в пределах областного территориального пространства. Такая оценка случившегося формально справедлива.

Но разве эта победа определялась действительным преимуществом одного из региональных Духовных управлений над другим? Напротив, это преимущество определилось тем фактом, что современная Россия не выглядит такой, какой она была в течение 1990-х и начале 2000-х гг. Произшедшие в ней централизаторские перемены (включая и их региональное преломление), как оказалось, в полной мере соответствовали интересам оренбургской власти, уже давно с подозрением относившейся к внешним контактам И. Шангареева, выводив-

48 | Он, в частности, сообщил одному из российских мусульманских информационных агентств: «Ваша информация не соответствует действительности. Мои приходы никуда от меня не уходили, как это было вам сообщено Хайруллиным. Вы сами это можете проверить» [<http://muslim-press.ru> (18 июня 2007)].

49 | В течение всего времени сотрудничества И. Шангареева с Советом муфтиев России в их отношениях не раз возникали ситуации напряженности и отсутствия взаимопонимания. Для этого имелись, порой, существенные обстоятельства, связанные с личными качествами и поступками бугурусланского муфтия. Напряженность в этих отношениях возникла, в частности, в связи с публикацией И. Шангареевым сборника фетв саудовских имамов [см.: *Ислам против терроризма...*, 2003]. Ее вызывали и претензии главы Духовного управления «Ассоциация мечетей России» на особое положение в составе Совета муфтиев, как и его (очень часто расходившиеся с позицией этого мусульманского центра) позиции по вопросам внутрироссийской политики и общественной жизни, а также тесное взаимодействие между И. Шангареевым и российскими правозащитными структурами.

шим, как она считала, часть местных мусульман из под ее контроля. Благодаря этим переменам оренбургская власть окончательно включила местный ислам в список российских «традиционных» конфессий.

7 июля 2006 г. министр информационной политики, общественных и внешних связей С.Г. Горшенин вместе с муфтием А.Б. Хайрулиным подписал «Протокол о намерениях Правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области (Оренбургским муфтиятом)» [здесь и далее см.: *Подписание Протокола...*, 7.07.2006]. Областная власть сделала выбор в пользу только одного из двух действовавших в то время в пределах оренбургского территориального пространства Духовных управлений мусульман. Как в этой связи отмечал оренбургский чиновник, «национальное и конфессиональное многообразие края вызывает немало проблем и ставит перед Правительством области важную политическую задачу обеспечения стабильности общественного бытия народов, населяющих область», постольку «эту задачу предстоит решать совместными усилиями государственной власти и представителей различных религий».

3 марта 2006 г. был предан гласности «Закон Оренбургской области “Об общественной палате Оренбургской области”» [*Закон Оренбургской области...*, 3.03.2006]. Создавая этот орган власти, оренбургский губернатор включил в него в числе прочих и главу Оренбургского муфтията А.Б. Хайрулина [*Комитет Общественной палаты...*]. Обращало на себя внимание только одно обстоятельство: даже если учитывать, что в момент создания Общественной палаты муфтий И. Шангареев проживал в Москве и не имел оренбургской регистрации, никто из представителей все еще продолжавшего свою деятельность Бугурусланского муфтията не был введен в ее состав.

Выбор, уже сделанный исполнительной властью Оренбургской области, приобретал характер окончательного решения.

Список источников и литературы

Амелин В.В. О некоторых тенденциях в изменении численности татар Оренбуржья в современный период // *Татары в Оренбургском крае. Научно-практическая конференция*. Оренбург, 1996.

Амелин В.В. Оренбуржье — приграничье России // *Обозреватель/Observer*. М. 1998. № 1 (http://www.rau.su/observer/N01_98/index.htm).

Амиров Р. Не разделяйтесь! // *Оренбуржье*. 17.07.1999.

Архив управления юстиции Оренбургской области/Управления Федеральной регистрационной службы по Оренбургской области. Д. 182. Л. 1–28.

Басыров Р. Захват мечети // *Оренбуржье*. 31.07.1999.

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Богданова Л. Открылась новая мечеть // *Бугурусланская правда*. 22.09.1998.

Бугурусланский «Спутник» выходит на региональную орбиту // *Комсомольская правда в Оренбурге*. 3.09.1999.

Бурматов В. О религиозной обстановке в Оренбургской области // *Диалектика истории Оренбуржья*. Оренбург, 1994.

В Оренбуржье начнется суд над членами Партии освобождения Ислама // *ИА Regnum*. 19.07.2006 (<http://www.regnum.ru/news/675935.html>)

Галимов Ш. Для чего объединились? // *Южный Урал*. 7.08.1999(1).

Галимов Ш. Ислам нурынын яктысы // *Азан*. 5.08.1999(2).

Горшенин С.В. Дорога к крепкой экономике идет через храм // *Южный Урал*. Оренбург. Январь 2007 (<http://www.mininform.orb.ru/books/papers/012007.html>).

Даешь народную стройку! Обращение общественных и религиозных организаций мусульман к бугурусланцам // *Бугурусланская правда*. 19.05.1994.

Джадвал ал-хисас ли-с-сана ас-санийя ли-л-'ам ад-дирасий 1998/1999 (Расписание занятий второго курса на 1998/1999 учебный год) // *Личный архив автора*.

Дмитриев А. Проповедника ваххабизма устроили в колонию // *Коммерсант*. 29.06.2006 (http://www.ombudsmanrf.ru/dad_2006/dad06/dad_317/r06.doc)

Доклады и материалы о выделении Оренбургской губернии из Киргизской ССР и перенесении центра Киргизской ССР из Оренбурга. 1924–1925 гг. // *Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНПО)*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 520. Л. 40–43.

Закон Оренбургской области от 3 марта 2006 года № 3152/548-III-03 «Об общественной палате Оренбургской Области» // http://www.orenburg-oblast.ru/regions_code/about/list/index.php?SECTION_ID=18008.

Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июля 1999 г. // *Личный архив автора*.

- Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 21 августа 1999 // *Личный архив автора*.
Идти по стопам Пророка // *Айкап*. 1997. № 10.
Интервью с турецким преподавателем «Хусаинийи» Бекером Челенком // *Яна вакыт*. 1996. № 21.
Ислам в Приволжском Федеральном округе (раздел «Оренбургская область») / Гл. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород, 2007.
Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М.: Издатель — муфтий Исмагил-хазрат Шангареев, 2003.
Исмаил Шангареев сложил с себя полномочия, но остался муфтием // *Interfax-Религия*. 27.08.2007 (<http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=19962>)
Канин П. Объединяются студенты-мусульмане // *Южный Урал*. 6.07.1999.
Каримова Д. Подкова на счастье // *Кинельская чаша. Бугуруслану — 250 лет*. Оренбург, 1999.
Каримова Р. Строитель храмов // *Оренбуржье*. 18.01.1995.
Кинельская чаша. Бугуруслану — 250 лет. Оренбург, 1999.
Комитет Общественной палаты по вопросам национальных и этноконфессиональных отношений // <http://www.orenburg-oblast.ru/about/clause/194/458122>.
Косач Г.Г. *Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство*. М., 1998.
Косач Г.Г. Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция // *Вестник Евразии*. 2000. № 2.
Косач Г.Г. «Государственный» город и национальные автономии: Оренбург в первые советские годы // *Вестник Евразии*. М. 2002. № 2.
Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. *Внешняя политика Саудовской Аравии: приоритеты, направления, процесс принятия решения*. М., 2003.
Лапшин В. О религиозной обстановке в Оренбургской области // *Бугурусланская правда*. 10.12.1998.
Лапшин В.А. Деятельность областной администрации по гармонизации межконфессиональных отношений // *Христианство и ислам на рубеже веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Оренбург, 1998.
Ларина Е., Наумова О. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // *Вестник Евразии*. 2006. № 4.
Ларина Е., Наумова О. «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // *Вестник Евразии*. 2007. № 3 (37).
Малашенко А.В. *Исламское возрождение в современной России*. М., 1998.
Мацузато К. Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // *Ислам от Каспия до Урала. Макрорегиональный подход* / Под. ред. К. Мацузато. Саппоро: Slavic Research Center, 2006 (http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no12_ses/chapter03.pdf)
Мухаметзянов Х. О строительстве мечети // *Бугурусланская правда*. 30.04.1992.
Национальный состав населения Оренбургской области. По результатам переписи населения 2002 г. // <http://www.wgeo.ru>.
Никольский В. «Постриг бороду — значит законспирировался». Директор Исламского правозащитного центра Исмагил-хазрат Шангареев расскажет Вашингтону о положении мусульман в России // http://portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=260
Оренбурженефть — Открытое акционерное общество. История компании // <http://www.orenburgneft.ru/comp/history> (Последнее посещение — 30 декабря 2007).
Оренбуржцы празднуют юбилей башкирской автономии. — 30 ноября 2007 // <http://www.rosbalt.ru/2007/11/30/436220.html>
Открытое письмо мусульманской общественности президенту В.В. Путину // *Известия*. 5.03.2007 (цит. по: http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/open_letter)
Письмо Председателя ЦДУМ России и Европейских стран СНГ Верховного муфтия шейх-уль-ислама Т. Таджуддина главе администрации г. Бугуруслана В.В. Жукову от 28 октября 1999 г. // *Личный архив автора*.

Подписание Протокола о намерениях Правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области, 7 июля 2006 // <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews&arch&nd=963713487>.

Пономарев В. *Оренбуржье: преследование мусульман? 11 апреля 2005* // <http://www.hro.org/actions/nazi/2005/04/11.php?printv=1>

Предписан вам пост... // *Оренбуржье*. 23.12.1998.

Рагузин В. Межнациональные противоречия в религиозной среде // *Религия, церкви в России и за рубежом*. М., 1996. № 7.

Рагузин В.Н. Единство и взаимосвязь религиозных и национальных компонентов в демократическом переустройстве Оренбургской области как субъекте Российской Федерации // *Христианство и ислам на рубеже веков*. Оренбург, 1998.

Рагузин В.Н. *На острие российской геополитики*. М., 1999.

Рекомендации научно-практической конференции «Татары в Оренбургском крае». Оренбург, 25 апреля 1996 г. // *Татары в Оренбургском крае. Научно-практическая конференция*. Оренбург, 1996.

Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. М., 1996. №11.

Рындина Л. На учебу в Эр-Рияд // *Бугурусланская правда*. 25.08.1998(1).

Рындина Л. Чему учат в медресе? // *Бугурусланская правда*. 1.08.1998(2).

Серенко А. Кавказские пленники // *Независимая Газета-регионы*. 14.09.1999.

Сидоров А. О строительстве мечети // *Бугурусланская правда*. 22.05.1991.

Список действующих религиозных организаций, церквей и молитвенных домов по Оренбургской области на 01.01.2006 года // *Сайт министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области* (<http://www.mininform.orb.ru>)

Список студентов Высшего исламского института Аль-Фуркан // *Личный архив автора*.

Статистический справочник Оренбургской губернии. Оренбург, 1925.

Страсти улеглись // *Азан*. Самара. 2.09.1999

Тақрир 'ан сайр ал-ма'хад фи Бугуруслан би Русийа Ал-Иттихадиййа ли 'ам 1998 (Отчет о развитии Института в Бугуруслане, Российская Федерация, за 1998 год). Эр-Рияд: Муассаса Аль-Вафк Аль-Исламий (Фонд «Аль-Вафк Аль-Исламий»), 1419 X.

Тақрир 'ан сайр ал-мухаййамат ас-сайфиййа фи Бугуруслан би Русийа Ал-Иттихадиййа ли 'ам 1998 (Отчет о проведении летних лагерей в Бугуруслане, Российская Федерация). Эр-Рияд: Муассаса «Ал-Вафк Ал-Исламий» (Фонд «Исламский вафк»), 1419 г.х.

Тлекая С. ...Для людей уразумеющих // *Оренбургское время*. 7.06.1996.

Устав Духовного Управления мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият) в составе Центрального Духовного Управления мусульман России и Европейских стран СНГ. Оренбург, 1994.

Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият). Бугуруслан, 1995.

Устав религиозной организации негосударственного духовного мусульманского образовательного учреждения Бугурусланского исламского медресе Аль-Фуркан Духовного Управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият). Бугуруслан, 1999.

Чуряк О. Ваххабиты захватывают Бугуруслан, или Почем опиум для народа // *Комсомольская правда в Оренбурге* (региональное издание). 10.09.1999.

Шангареев И. Спасибо за поддержку // *Бугурусланская правда*. 19.01.1995.

«Шангареевцы» вошли в состав РДУМ Оренбургской области. — 2 мая 2007 // <http://www.islam.ru/rus/2007-05-02>.

Юнусова А.Б. *Ислам в Башкортостане*. М., 2007.

Янцев А. Жить с добрыми намерениями // *Бугурусланская правда*. 3.04.1999.

<http://muslim-press.ru>

<http://www.imamu.edu.sa/aboutimamu.htm>

<http://www.iu.edu.sa>

http://www.uqu.edu.sa/pdf/UQU_brief_history.pdf